

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 6–14
Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 6–14
<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-6-14>, EDN: NVHWBY

Научная статья
УДК 81'1'27

**О стартовых условиях смыслообразования
в общении с письменными речевыми жанрами****В. В. Прозоров**

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, научный
руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего
литературоведения и журналистики, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Аннотация. В статье идет речь о начальной стадии процесса смыслообразования, возникающего при соприкосновении конкретного читательского запроса с внутренней адресной направленностью данного письменного высказывания. Стартовые условия смыслообразования в общении с письменными РЖ напоминают эффект встречи субъектов общения, один из которых пребывает в терпеливом ожидании вероятного контакта со своим адресатом, а другой в полную меру ситуативного запрашивающего интереса оказывается устремленным к непосредственному взаимодействию. Их продуктивное соприкосновение – своего рода когнитивный взрыв. Итогом является создание облака смыслов, полностью не совпадающих ни с теми, которые заключает в себе воспринимаемый текст, ни с теми, что до сей поры ощущались реципиентом. Нас интересуют факторы, связанные с ключевыми вербальными раздражителями – доминантными лексическими единицами в самой письменной текстуре РЖ и в актуализированной памяти приступающего к чтению пользователя. Надежность смыслообразования определяется, в том числе, интенсивностью контекстовых совпадений собственных ключевых слов-понятий в сознании реципиента с теми, что содержит и приоткрывает для реципиента сам воспринимаемый письменный текст.

Ключевые слова: письменные РЖ, инициатива, чтение, читатель, внимание, запрашивающий интерес, ключевые слова-понятия, смыслообразование

Для цитирования: Прозоров В. В. О стартовых условиях смыслообразования в общении с письменными речевыми жанрами // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 6–14. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-6-14>, EDN: NVHWBY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the starting conditions of meaning making in written speech genres**V. V. Prozorov**

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valery V. Prozorov, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Abstract. The article deals with the initial stage of the meaning making process which occurs when a certain request of the reader comes into contact with the inner targeted orientation of the given written saying. The starting conditions of meaning making in written speech genres remind of the effect produced by the meeting of two communicating subjects, with one of them patiently expecting the coming interaction and the other striving to start the immediate interaction to the best of the situationally determined interest of the addressee. Their productive contact is a kind of a cognitive explosion. As a result, there is born a cloud of meanings which do not coincide completely neither with the meanings enclosed in the perceived text nor with the ones felt so far by the recipient. We focus on the factors associated with key verbal aggravators – dominant lexis in the text of the written speech genre and in the updated memory of those who are about to read this text. The reliability

of meaning making is determined among other things by a number of intensive contextual coincidences of the key words and notions in the consciousness of the recipient and those which the given written text contains and reveals.

Keywords: written speech genres, initiative, reading, reader, attention, requesting interest, key words and notions, meaning making

For citation: Prozorov V. V. On the starting conditions of meaning making in written speech genres. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 6–14 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-6-14>, EDN: NVHWBY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Нас интересует начальная стадия диалогических контактов читателя с большим разнообразием письменных РЖ. Речь идет о коммуникативно-деятельностном, когнитивном подходе к письму и его восприятию. По определению М. М. Бахтина, «письменные жанры – искусственные жанры (особенно – вторичные), с ними мы работаем сознательно и руководствуемся определенными образцами...» [1: 172]. Сознательная работа с ориентацией на закрепленные в памяти письменные образцы имеет в виду противопоставление этой работы вольным жанровым комбинациям устных высказываний. Нам близка фундаментальная и вместе прагматически осознаваемая исследовательская задача, сформулированная еще в 1999 году В. Е. Гольдиным: «поиск связей между строением речевых произведений и компонентами ситуации общения, включая в число последних прежде всего субъекты коммуникативной ситуации, отношения между ними, их знания и интенции» [2: 4]. Теория РЖ давно устремлена к разностороннему осмыслению стратегии и тактики ведения коммуникации [3: 7].

Каждый из нас – обладатель многофункциональной мозговой способности, обнаруживающей себя на так называемом внутреннем экране воображения. Внутренний экран воображения по нашему хотению воссоздаёт пережитые уже образы, настроения, эмоции, фокусируясь на самом желанном. Мы хозяйева своего личного кинотеатра. Визуальный экран наш мерцает и светится, когда мы видим сны. И самое главное в нынешнем размышлении: внутренний экран загорается, как только мы что-то заинтересовавшее нас (и особенно относящееся к искусству слова) принимаемся **читать**.

Чтение – чрезвычайно активная мыслительная процедура зрительно-слухового восприятия текста и декодирования запечатленных в текстовых символах смыслов. Процедура эта направлена на понимание знаковой системы избранной нами (встреченной, невольно попавшейся на глаза) текстовой реальности. Диапазон отношений к текстовым смыслам обширный: от безразличия, скуки, презрения,

негодования, страха – до внезапной радости, яркого душевного подъема, очевидной солидарности. Чтение – процесс чувствительно тонкого взаимодействия между текстом и читателем, процесс превращения текста в дискурс.

Смех смехом, но Гоголь в «Мертвых душах» на примере лакея Чичикова Петрушки поразительно точно воссоздает сам интерес к механизму смыслообразования в процессе чтения. Петрушка читал всё без разбора: «ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, – он всё читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался». При этом ему больше всего «нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения». Привычная для искушенного читателя процедура вызывала в гоголевском герое неподдельное изумление: «вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит...». В переводе на ученый язык Петрушка поражался тому, как любопытно происходит взаимодействие сенсомоторики и семантики, как вдруг в поле его внимания удерживается новая, получаемая им информация, какие неожиданные смысловые догадки на основе этой информации возникают. Иными словами, чичиковский Петрушка упорно занимался самонаблюдениями над техникой чтения, над переключением зрительной лексемы в ее звуковой и кинестетический аналог.

Затаенные в художественных текстах эмоционально-интеллектуальные открытия просятся быть проникновенно понятыми. Наши мысли освещены чувствами, чувства осмыслены. Системно заявленных понятийно-логических смыслов мы усердно ищем и в письменных текстах любого иного рода: деловых, инструктивных, рекламных, учебных, научных и т. д.

Мы знаем, сколь ненадежными могут оказаться любые устные заверения и обещания политиков и дипломатов и насколько юридически обязывающими становятся те же заверения, закрепленные на письме. Или вспомним, как гоголевский Земляника в общении с Хлестаковым, всласть наябедничав

на своих коллег, угодливо прибавляет: «Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумаге?». Устный донос во всех своих подробностях может улечься из памяти предполагаемого начальственного лица. На бумаге надежнее! И бумаге можно дать ход со всеми вытекающими последствиями. Как говорится, «написанное остаётся, сказанное забывается» или «плохой карандаш лучше хорошей памяти».

Смыслы, запечатленные в письменном тексте, отзываются в нашем собственном опыте осознания реальности, в фоновых знаниях, которыми мы вооружены, в прихотливых ассоциативных впечатлениях, которые до востребования хранит наша память. «Включение в контекст собственной жизни, – пишет Д. А. Леонтьев, – это и есть то, благодаря чему мы в состоянии понять смысл чего бы то ни было, соотнести с нашей жизнью: что это для меня, зачем это надо. Опыт становится то, что соотнесено с жизненным контекстом. Извлечение опыта, собственно говоря, и есть смыслообразование» [4: 109].

Наше внимание обращено к стартовой атмосфере самого процесса смыслообразования, который возникает при соприкосновении конкретного читательского запроса с внутренней адресной направленностью данного письменного высказывания.

* * * * *

Активное общение реципиента с письменным текстом всегда пронизано диалогическими токами. «Всякое понимание, – полагает М. М. Бахтин, – установлено на ответ, чреватое ответом, – согласием-несогласием, исполнением-отказом и т. п. Ответное понимание эквивалентно высказыванию, это – потенциальное высказывание, выполняющее функции звена в цепи речевого общения» [1: 167]. Письменный текст в этой цепи выполняет роль притягивающего к себе опорного начала речевой коммуникации.

Особого удивления заслуживает феномен смиренного ожидания текстом своего пользователя-читателя. При кажущейся метафоричности такого определения, оно опирается на общеизвестные, исторически протяженные эмпирические наблюдения и факты. Имеется в виду исходная готовность письменного текста к вероятному и желанному восприятию.

В пушкинской драме «Борис Годунов» отец Пимен усердно «пишет перед лампадой», и нам передается торжественно мерный, проникновенно мудрый строй его внутренней речи – знаменитый монолог о благодатной нетленности летописного предания, обращенного через поколения к «потомкам православных». Д. С. Лихачев замечает: русский

«летописец стремится видеть события с высоты их “вечного”, а не реального смысла» и иногда так заявляет о цели своих записей: «Да и сие не забвено будет в последних родах» [5: 293].

Письменный текст – молчаливый и надежный хранитель памяти. Долговременная память обращает нас вспять, позволяя прошлое воспринимать как предельно приближенное к нам, как почти что настоящее, с нами соприкасающееся и нас словно бы научающее. В зависимости от самой природы РЖ письменный текст может иметь адресацию, принципиально отдаленную от времени создания, или, напротив, скорую, едва ли не сиюминутную.

Любая, письменно закрепляемая система текстовых знаков требует от автора непрерывной ориентации на желанного адресата. Обстоятельно рассматривается эта проблема применительно к художественной литературе, что давно уже находит свое отражение не только в авторитетных исследованиях, но и в специальных терминологических справочниках и учебных пособиях (см. [6: 315; 7: 293–314]). «Поэзия, как целое, – убежденно писал О. Э. Мандельштам в статье «О беседнике», – всегда направляется к более или менее далекому, неизвестному адресату, в существовании которого поэт не может сомневаться, не усумнившись в себе» [8: 187]. Древний способ пересылки почты – письменное послание в засмоленной бутылке, направляемое до востребования океаническим течением.

Великая тайна буднично обнаруживающего себя коммуникативного опыта связана с тем, как в привычных для нас символах-знаках автору удаётся заключить трудно исчисляемый потенциал смыслов и чувств, обращенных вовне, особенно, если речь идет о текстах художественных. Сила воздействия бытового письма многократно возрастает, когда воспроизводимое эпистолярное высказывание принадлежит художественному тексту. Вспомним, к примеру, письмо чеховского Ваньки Жукова «на деревню дедушке» или завязку гоголевского «Ревизора» (городничий читает фрагменты письма от Андрея Ивановича Чмыхова).

Письменный текст заключает в себе более или менее очевидную читательскую направленность. В век грустного прощания с прежними распространенными практиками общения с текстовыми фолиантами пронзительно звучат строки М. Светлова: «Безмолвствует черный обхват переплета, // Страницы тесней обнялись в корешке, // И книга недвижна. Но книге охота // Прильнуть к человеческой теплой руке».

Сегодня мы свидетели иной, активно возобладавшей формы текстового бытия. В электронной версии текст часто воспринимается не менее осязаемо ярко и сильно: он светится нам с экрана, он живой, он мерцает. Текст затаённо вызывает к вероятному пользователю: открой для себя, вникни, удивись...

На письме часто обнаруживает себя и прямая адресная нацеленность: в эсэмэсках, почтовых письмах, поздравительных открытках, любовных записках, акростихах, дарственных надписях с автографом, заявлениях, извещениях, доносах и т. д. Сказывается это и в разных формах обращений к предполагаемому виртуальному интернет-адресату, в формах неожиданных приветствий, всевозможных настойчивых рекламных предложений. Особый обширный сегмент здесь – современная «потребительская культура» [4: 110]. Примеров тьма.

В текстах сообществ, обсуждающих темы моды и красоты, например, часто встречаются стилистически кокетливые обращения: «дорогие девчоночки», «милые зайки», «мои красульки», «стройняшки», «няшки», «феечки», «лапульки» и проч. [9: 97–105]. Универсализация сетевого общения привела к созданию отменного безвкусного приветствия «Доброго времени суток» – своего рода безликого обращения к своему кругу. Соцсети переполнены соблазнительными приглашениями скорого получения полного счастья в любых сферах жизни. Касается это и тех, кто стремится удовлетворить авторские амбиции: «Сочинить книгу – пошаговая инструкция»; «Как легко написать и издать книгу?»; «Как написать и издать бестселлер за 90 дней»; «Как написать и издать книгу за 60 дней» и т. п.

Нескончаемые цепочки громких рекламных текстов словно бы выпрыгивают из своих графических пределов и атакуют наивных сетевых новобранцев. Пользователю бывалому предлагается более изысканный рекламный продукт: «Поможем тратить со смыслом»; «Что от вас скрывают...»; «Сначала попробуйте»; «Вы заслуживаете» и т. п.

Любой текст по-разному, но согрет заботой о своем искомом адресате. Степень персональной выраженности автора и характер его озабоченности адресатом в письменных РЖ сильно различаются. Вплоть до почти нулевого уровня выраженности в таких РЖ, как тексты законов, инструкции по применению, медицинские протоколы (алгоритмы действий) по диагностике и лечению без учета индивидуальных особенностей пациента и т. д.

Письменный текст во всех его речеванровых воплощениях располагает определенным диапазоном смысловых готовностей и усердно

ждет контакта с каждым новым читательским горизонтом ожиданий (Ханс Яусс).

* * * * *

Проблему превращения системы текстовых знаков в смыслы и чувства воспринимающего М. М. Бахтин предлагает осмыслить в ряду таких понятий, как «контекст высказывания и контекст понимания (апперцептивный фон)» [1: 149]. Это заключение впрямую касается и общения с письменным текстом. Исходную позицию охотно внимающего тексту читателя А. П. Скафтымов определял удачным словосочетанием «запрашивающий интерес».

Инициативные импульсы – в основании всех наших действий, поступков и превращений, в том числе и творческого характера. Живую цепь понятий, характеризующих создание и восприятие словесно-письменного текста, с большой степенью корректности можно описать через универсально психологическую категорию *инициативы*:

Автор – *инициатор*, создатель словесно-письменного высказывания, преднамеренно или невольно направленного на вероятного адресата.

Авторский текст – *словесно-письменная инициация*, отмеченная родовой печатью полисемии. Отсюда неисчерпаемость содержания символа, определяемая его смысловыми диапазонами и разнообразием ассоциативных связей. При истолковании символа всегда остается «иррациональная» невыразимость. Очень точно скажет о парадоксах осмысления художественного текста Г. Г. Шпет: «Чем больше вдумываться в “идею” поэтического творения, тем меньше от неё останется. В итоге – всегда какой-то сухой комочек, нисколько не заслуживающий имени идеи» [10: 345]. Насмешливый образ «сухого комочка» – удачная иллюстрация к усердным, но часто безуспешным попыткам распознавания «идейных смыслов», якобы «вложенных» авторами в тексты.

Адресат – *соинициатор авторского текста*, реально осуществляющий свои притязания на восприятие словесно-письменной инициации.

Огромная роль в диалоге с письменным текстом принадлежит внутренней речи реципиента, его удивлению, согласию, спору, безразличию. Соинициатор способен заметно видоизменять поступающие ему смыслы, исходя из собственных горизонтов ожидания, и касается это не только художественных текстов. Абсолютно прозаический пример: представим себе чей-то давний, письменно оформленный приказ, воспринимаемый «после срока действия»: сам текст приказа несет одни смысловые готовности, а мозг реципиента обнаруживает уже совсем другие смыслы:

«устарело», «можно не исполнять», «проехали!» и вплоть до усмешки: «вот ведь гадость какая, а было время – подчинялись беспрекословно!»

Первоначальное условие превращения символа в смысл – знание пользователем языка (кода) письменно оформленного РЖ. По утверждению ван Дейка, «не существует никакой четкой границы между знанием языка и знанием о мире. Это особенно справедливо в отношении нашего лексического знания, в котором знания слов и их значений смешиваются с нашим концептуальным знанием о “мире”» [11: 11].

Культура чтения предполагает отчетливое различие читателем разности письменно-речевых жанров. Вспомним, к примеру, наши читательские представления о предводителе крестьянского восстания в пушкинской «Истории Пугачева» и в его же повести «Капитанская дочка». В первом случае преобладают аттестации негативного свойства (злодейская жестокость исторического персонажа, погрязшего в кровавом разбое), во втором мы свидетели проявления прежде всего недюжинного ума и великодушия со стороны пушкинского героя. Сама собой предполагается смена читательских установок при обращении к разным письменным РЖ – историческому исследованию событий, потрясших в XVIII веке Российскую империю, и словесно-художественному дискурсу.

От исходных мотивов чтения зависит степень предстоящей погруженности в текст. Сам текст тоже оставляет за собой право на взаимность – на ответное «тестирование» читателя. Это тест на сложность/примитивность/уместность текста, к контакту с которым подключается читатель.

Диалогу соинициатора с вероятным текстом предшествует формирование запрашивающего читательского побуждения. Побудительным мотивом может стать обязательное/факультативное/случайное ознакомление с документом, информацией, корреспонденцией, деловой бумагой, надписью на стене. Специальный интерес к чтению определяется родом профессиональных и любительских занятий и задач. Настоятельной бескорыстной потребностью оказывается так называемое чтение «для души». Оно нередко сочетается и с известными прагматическими (учебными, научными, просветительскими) целями.

Существует множество разных классификаций читательских подходов к письменным текстам. При этом за читателем всегда сохраняется (часто игнорируемая школьной практикой преподавания литературы) естественная свобода выбора собственной реакции читателя на встречу с данным текстом. Это его,

соинициатора, внутреннее право на ответное понимание, на собственное высказывание. Право это может быть ограничено только речевыми особенностями воспринимаемого текста. В любом случае возникает некий первоначальный конкретный предлог для обращения к письменному тексту.

* * * * *

О тексте, погруженном в ситуацию общения, убедительно пишет В. И. Карасик. Его рассуждения проливают свет и на стартовые условия процесса смыслообразования в диалоге читателя с письменным текстом [12: 91].

Само обращение к данному тексту почти всегда начинается с оглядывания читателем общего текстового очертания, внешнего состава. Задача – графическое (зрительное) опознание письменного текста как целого, получение предварительных представлений об объемном контуре, о размерах облюбованного текста (книги, журнала, листовки, объяснительной записки, сообщения в соцсетях). В результате рождается первоначальное визуальное представление о примерных речевых характеристиках данного письменного явления. Делается это для невольного или осознанного определения временной протяженности предстоящей процедуры проникновения в текстовые смыслы. Не случайно проблему понимания текста М. М. Бахтин связывает с необходимостью «прежде всего установления принципиальных и четких границ высказывания» [1: 198]. Внешние границы играют здесь заметную роль. Как говорится, каждый альпинист сперва проходит маршрут глазами.

С определения границ письменного текста, выбранного для прочтения, начинается диалог в пределах разных письменных РЖ. Младшеклассники, прежде чем приниматься за чтение, оглядывают заданный на дом рассказ с картинками, чтоб оценить объем предстоящей работы. Специалист в любой сфере определяет на глаз размеры заинтересовавшей его статьи в солидном сборнике трудов. Еще недавно, распечатывая пришедшее по почте письмо, мы сразу же отмечали про себя протяженность текста. В рукописном варианте письменного РЖ важны отличительные почерковые особенности. Печатный текст отмечен своими шрифтами, форматами и другими полиграфическими характеристиками. Мы свидетели первоначального этапа рассудительного и вместе чувственного распознавания графических знаков-сигналов письменного текста, готового обратиться в дискурс.

Определение внешних текстовых очертаний и объемов вызывает и соответствующую внутреннюю реакцию читателя: «ну и задание огромное на дом!», «мало времени, статья

большущая, но ведь мне ее только полистать надо!», «записка, к сожалению, очень коротка, но тем более стоит в нее пристально вникнуть», «какой ужасный почерк!», «что за шрифт мелкий!». Для смыслового восприятия письменного текста особенно важен этап так называемого «первоочтения» [13: 3] или первоначального восприятия. Происходит распознавание и первичной фазы уровня внимания в структуре текста (см. [14: 195–204]).

Уровень внимания в широком речевом контексте – это избирательно направленная сосредоточенность конкретного читателя на иницируемый автором предмет (тему) речи. Происходит то, что В. Ф. Асмус называл «установкой ума читателя, действующей во время чтения» [15: 56]. При «первоочтении» обычно отмечают и механизм внутреннего проговаривания осваиваемого текста, и смысловое предугадывание (в соответствии с названием текста или отдельной главы, с аннотацией, с иллюстрациями), и вербальное предвосхищение (по первым словам угадывание синтаксического целого). Предполагают, что вплоть до XV века при чтении в одиночку (наедине с самим собой) «текст произносился вслух», глазная работа дополнялась артикуляционно-слуховой [16: 36].

Реже обращается внимание на факторы, которые связаны с ключевыми вербальными раздражителями – доминантными лексическими единицами в письменной текстуре РЖ и в актуализированной памяти приступающего к чтению пользователя.

* * * * *

В сознании читателя, избирающего данный текст предметом своего внимания, существует предвосхищающий чтение «контекст понимания». В этом контексте нас интересует набор актуальных ключевых слов-понятий в определенных ассоциативных ореолах (о разных подходах к проблеме ключевых слов в филологии см. [17: 284–287; 3: 493]).

Занимает меня, к примеру, тема, связанная с начальными условиями смыслообразования в общении с письменными РЖ, пишу я статью на эту тему, и в поисках нужной специальной литературы в моем сознании восстает целая вселенная разноуровневых и ассоциативно соотносимых ключевых слов-понятий. Эти ключи выстраиваются в заметно меняющиеся по ходу работы порядки, множатся, уточняются, конкретизируются. Им навстречу отзываются статьи и монографии со своими говорящими названиями и аннотациями. Как замечал Мартин Хайдеггер, «при движении вперед нужно все время ясно видеть изменчивость всего, что выступает навстречу. Только в горизонте извечной инаковости

изменения проявляется полнота особенного, полнота фактов» [18: 139]. Неисчислимы повороты многообъемлющей темы. Специальная литература помогает утвердиться в поисках единомышленников и оппонентов. И сами ключи существуют (и в моем поисковом сознании, и в литературе интересующего меня вопроса) в неожиданных ассоциативных сближениях и параллелях [19: 17]. И это обстоятельство позволяет шаг за шагом продвигаться навстречу все более усложняющейся и все более определяющейся теме.

Ключевые слова помогают ориентироваться в море-океане занимающей нас информации. Мы имеем здесь дело с «языковыми единицами, которые становятся единицами общения и в которых значение приобретает статус смысла, привязанного к ситуации и личностям участников коммуникации» [12: 91]. В ситуации непосредственного общения с письменным текстом читатель цепко фокусирует внимание на интересующих его ключевых языковых единицах, исполненных для него особо значимого смысла.

Прочтем в Яндекске обещающее заглавие «Кто-нибудь вообще понимает современную действительность?», и появляется (или не появляется) желание вместе с автором попробовать потренировать свой ум в распознавании всяческих нелепостей окружающей нас и проникающей в нас реальности. Или встретится заголовок «Пандемия закончится в 2023 году, но сразу начнется вторжение пришельцев», и – ключевые слова у землян на слуху – раскроется широкий веер читательских ожиданий: от серьезно озабоченных до насмешливых и ироничных. Мало кто из интернет-пользователей устоит перед многообещающим заглавием статьи журнала «Нож»: «Большинство научных публикаций – ложь (доказано учеными)»? С другой стороны, перестает работать назойливое употребление одного и того же приема-приманки. Лишаются кредита доверия и бесконечно эксплуатируемые в Интернете словосочетания «Упадете, узнав подробности...», «Чудо-лекарство. Эффект через полчаса», «Это известие повергнет в шок...».

У всякого реципиента существуют свои потенциальные, ситуативно актуализируемые шлейфы слов-понятий, представляющие направления самых разных его интересов – поверхностных и углубленных, центральных и периферийных. Встречаясь с новыми письменными текстами, мы даже при первичном их осмотре способны угадать близкие нам, цепляющие наше внимание слова и словосочетания. Происходит невольное ранжирование подобных ключей. Актуальные для меня слова-понятия, объявляющиеся в тексте, отзываются

во мне, соотносятся с моими определяющими запросами. Основательному охвату диапазона смысловых готовностей письменного текста способствует распознавание в тексте искомым или близких к ним ключевых слов в их ассоциативно-контекстовой реализации.

Встречаю в Яндекс-Дзене короткий заголовок: «Книги – что с ними станет?» Профессионально близкое мне понятие «книги». Тревожный, давно беспокоящий вопрос. Несмотря на обилие разных высказываний на эту тему, не теряющую своей печальной злободневности, принимаю читать. Автор задумывается над тем, насколько закономерно происходящее с книгами. Грустные констатации, краткий экскурс в читательскую историю: от изобретения письменности до наших дней. И обнадеживающий финал: хоронить книгу преждевременно, «рано или поздно маятник качнется в обратную сторону и книги вернутся в наши дома!» Спасибо за оптимизм! Благодатным может быть соприкосновение и кипение смыслов, тех, что запечатлены в тексте, и тех, что солидарно рождаются в сознании читателя.

Противоположный пример. Читаю в сети заголовок «Куда смотрят книги?» Ключевой манок в вопросительном высказывании делает свое дело. Вникаю. Оказывается, речь о том, что с начала 2021 года по новым правилам торговли магазины не обязаны держать в специальном уголке потребителя книгу отзывов и предложений... Мало волнующая меня тема, и чтение мгновенно прерывается. Не совпали смыслы понятия «книга» – моё ожидаемое и то, что предложено в тексте. И так – на каждом шагу.

Передо мной интернет-текст «Смысл книги Достоевского “Идиот”». Привлек внимание заголовочными ключами. Читаю: попытка кратчайшего простодушного пересказа содержания: «Основная мысль романа /.../ в том, что таким людям, как Мышкин, нечего делать в современном Достоевскому обществе. Да и в наше время многие считали бы князя потенциальным пациентом психиатрической больницы». Вот и весь, оказывается, смысл. Поистине, простота хуже воровства.

Семейный журнал «Лучик» в 2019 году поместил пост под интригующим названием «В чем была ошибка капитана Гранта?» Действие романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта» завязывается вокруг расшифровки загадочного документа, найденного лордом Гленарваном внутри выловленной в море бутылки. Документ в трех разноязычных версиях сильно испорчен морской водой. Отчетливо различимы два ключевых понятийных ядра: факт крушения судна «Британия» и обозначение широты (долготу смыло) – географической координаты места крушения. Это обстоятельство

и служит основанием для кругосветного путешествия героев.

Автор журнальной статьи разъясняет, что, с точки зрения теории информации, капитан Грант совершил грубую ошибку: в записке много избыточной информации и явно недостает ключевой: стоило бы много раз повторить слово «крушение» и главное – точное обозначение широты... Интересны тут два обстоятельства. Во-первых, представлено еще одно свидетельство важности ключевых слов при восприятии письменного текста, особенно в катастрофических ситуациях, и, во-вторых, некоторая, шуточно допускаемая авторами статьи путаница РЖ – приключенческого повествования и информативного документа.

Момент перехода смыслового света письменной текстуры в смысловую систему читательского восприятия не в последнюю очередь определяется интенсивностью совпадения для реципиента собственных ключевых слов-понятий с теми, что являет собой письменный текст. При интенсивном совпадении вспыхивает семантико-когнитивная дуга-радуга.

Приведу простодушно детское объяснение этого процесса. Пример из реальной практики – диалога двух родных мне людей. Мама читает сыну трёх лет сказку и замечает: он слушает и в то же время словно бы какая-то легко усматриваемая отрешенность (мечтательность, сосредоточенность на чем-то) в нем. Мама, приостанавливая чтение: «Ты о чем-то думаешь, что-то вспомнил?» Сын: «Нет!.. Да! То, что ты читаешь, запутывается у меня в голове, и я это думаю!» Запутываются – закипают – прихотливым образом сближаются и совмещаются направленная на пользователя авторская интенция и актуальные ожидания-запросы социатора. Отчасти это состояние схвачено в одном из мемов про чтение: «Когда я читаю, то погружаюсь в собственный мир».

Смысловая система воспринятого текста всегда отличается от смысловой системы воспринимаемого текста. РЖ указа, письменного распоряжения, законодательного акта, запроса, инструкции, медицинского рецепта стремятся к идентичности смыслов – заданного текстом и воспринятого реципиентом. В других РЖ отчетливо наблюдается явное несовпадение. Пример: обценная лексическая единица, кем-то изображенная на заборе. У меня свои отношения к уместности этого ключевого слова. И воспринимая заборный текст, я переношу на него собственные экспрессивные оценки. Или, как выразился один подросток: «Ну и дурак – оставил кличку свою!»

На пути к состоятельности речежанрового общения много когнитивных испытаний и искажений. В последнее время они преодолеваются с помощью компьютера. Обратил

на себя внимание такой заголовков в виртуальном пространстве: «Как заставить компьютер читать текст вслух». Преобразование текста в речь – то, что нас сейчас интересует! Стал вникать. С появления Apple Siri с iPhone 4S зазвучали голоса, сгенерированные компьютером. Но тут – про способность компьютера считывать любой текст. В статье речь как раз о преобразовании текста на экране в устное слово. Подумалось: главное, чтоб homo sapiens, давно уже плененный соблазнами комфорта, не уступил бы виртуальному помощнику эти в высшей степени полезные для работы нашего мозга читательские функции.

Итак, пользователь в диалоге с речежанровым письменным высказыванием поначалу готов попасть в колею авторских интенций, угадать и определить для себя смысловую направленность текста, оказавшегося в фокусе внимания. Стартовые условия смыслообразования напоминают здесь эффект встречи субъектов общения, один из которых открыт в терпеливом ожидании вероятного контак-

та со своим адресатом, а другой в полную силу ситуативного интереса устремлен к непосредственному общению. Их когнитивное соприкосновение – своего рода малый взрыв, случающийся в сознании реципиента. Итог – создание облака новых смыслов, полностью не совпадающих ни с теми, которые заключает в себе воспринимаемый текст, ни с теми, что до сей поры ощущались соинициатором. И особая роль на начальном этапе контакта отводится относительно соответствию исходных ключевых слов-понятий, содержащихся в тексте и в запрашивающем сознании пользователя.

Впереди, в процессе восприятия письменного текста – пробуждение активного читательского соучастия. Не исключено, что к финалу диалога с текстом ждет нас и всегда желанное открытие-откровение. Но это уже предмет отдельного размышления, связанного с поэтапным осуществлением речежанровых коммуникаций (см. [14: 195–204; 20: 27–36]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари, 1996. 732 с.
2. Гольдин В. Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 4–6.
3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
4. Леонтьев Д. А. Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт // Мир психологии. 2014. № 1. С. 104–117.
5. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е, доп. Ленинград : Худож. лит. Ленингр. отделение, 1971. 414 с.
6. Shaw H. Dictionary of Literary Terms. New York : McGraw-Hill, 1972. 402 p.
7. Введение в литературоведение : в 2 т. : учебник для вузов. Т. 2 / под ред. Л. В. Чернец. 6-е изд. М. : Юрайт, 2020. 388 с.
8. Мандельштам О. Э. О собеседнике // Мандельштам О. Э. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. Проза. М. : Арт-Бизнес-Центр, 1993. С. 182–187.
9. Золтнер О. В., Шабурова Е. Е. Этикетные особенности интернет-коммуникации (на материале сообщества социальной сети «ВКонтакте») // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 97–105.
10. Шпет Г. Г. Сочинения. М. : Правда, 1989. 602 с.
11. Дейк ван Т. А. Дискурс и знание // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 13 (156), вып. 18. С. 5–23.
12. Карасик В. И. Высказывание, жанр, дискурс: семиотическое моделирование // Жанры речи. 2020. № 2 (26). С. 90–99. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-90-99>

13. Мучник Б. С. Культура письменной речи: Формирование стилистического мышления. 2-е изд., испр. и доп.. М. : Аспект Пресс, 1996. 175 с.

14. Прозоров В. В. О надёжности и состоятельности речежанровой коммуникаций // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 195–204. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-195-204>

15. Асмус В. Ф. Чтение как труд и творчество // Асмус В. Ф. Вопросы истории и теории эстетики : сб. ст. М. : Искусство, 1968. С. 55–67.

16. Зюмтор Поль. Опыт построения средневековой поэтики. СПб. : Алетейя, 2003. 544 с.

17. Потехина М. С. Проблемы ключевых слов в филологии // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 284–287. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-3-284-287>

18. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М. : Гнозис, 1993. 464 с.

19. Гольдин В. Е. Языковое сознание. Речевая коммуникация: Избр. работы. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2020. 496 с.

20. Формановская Н. И. Коммуникативный контакт. М. : ИКАР, 2012. 200 с.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. *Sobranie sochinenij : v 7 t. T. 5. Raboty 1940–1960 godov* [Collected works : in 7 vols. Vol. 5. Works of 1940–1960]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996. 732 p. (in Russian).
2. Goldin V. E. Problems of genre studies. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : collection of scientific arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh” Publ., 1999, iss. 2, pp. 4–6 (in Russian).
3. Dementyev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

4. Leont'yev D. A. Meaning formation and its contexts: Life, structure, culture, experience. *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2014, no. 1, pp. 104–117 (in Russian).
5. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury. Izd. 2-ye, dop.* [Poetics of ancient Russian literature. Ed. 2nd, add.]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. Leningradskoe otделение Publ., 1971. 414 p. (in Russian).
6. Shaw H. *Dictionary of Literary Terms*. New York, McGraw-Hill, 1972. 402 p.
7. *Vvedeniye v literaturovedeniye : v 2 t. Uchebnyk dlya vuzov. T. 2. Pod red. L. V. Chernets. 6-ye izd.* [Introduction to Literary Studies : in 2 vols. Textbook for universities. Chernets L. V., ed. Vol. 2. 6th ed.]. Moscow, Yurayt Publ., 2020. 388 p. (in Russian).
8. Mandelstam O. E. About the interlocutor. *Mandelstam O. E. Sobr. soch. : v 4 t. T. 1. Proza* [Collected Works : in 4 vols. Vol. 1. Prose]. Moscow, Art-Business Center Publ., 1993, pp. 182–187 (in Russian).
9. Zoltner O. V., Shaburova Ye. Ye. Etiquette features of Internet communication (on the material of the community of the social network “Vkontakte”). *Communicative Research*, 2017, no. 4 (14), pp. 97–105 (in Russian).
10. Shpet G. G. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 602 p. (in Russian).
11. Dijk van T. A. Discourse and knowledge. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities*, 2013, no. 13 (156), iss. 18, pp. 5–23 (in Russian).
12. Karasik V. I. Utterance, Genre, Discourse: Semiotic Modeling. *Speech Genres*, 2020, no. 2 (26), pp. 90–99 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-90-99>
13. Muchnik B. S. *Kul'tura pis'mennoy rechi: Formirovaniye stilisticheskogo myshleniya. 2-ye izd., ispr. i dop.* [Culture of written speech: Formation of stylistic thinking. 2nd ed., rev. and add.]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 175 p. (in Russian).
14. Prozorov V. V. On the Reliability and Consistency of Speech Genre Communication. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 195–204 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-195-204>
15. Asmus V. F. Reading as work and creativity. In: *Asmus V. F. Voprosy istorii i teorii estetiki : sb. st.* [Issues of history and theory of aesthetics : coll. arts]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968, pp. 55–67 (in Russian).
16. Zyumtor Pol'. *Opyt postroyeniya srednevekovoy poetiki* [Experience in the construction of medieval poetics.]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. 544 p. (in Russian).
17. Potekhina M. S. Problems of keywords in philology. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 284–287 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-3-284-287>
18. Heidegger M. *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and reflections of different years]. Moscow, Gnozis Publ., 1993. 464 p. (in Russian).
19. Goldin V. Ye. *Yazykovoye soznaniye. Rechevaya kommunikatsiya: Izbr. raboty* [Linguistic consciousness. Speech communication: Fav. works]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2020. 496 p. (in Russian).
20. Formanovskaya N. I. *Kommunikativnyy kontakt* [Communicative contact]. Moscow, IKAR Publ., 2012. 200 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 05.02.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 01.04.2022
The article was submitted 05.02.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 01.04.2022